

ДА, ВСЁ ТАК И НЕ ИНАЧЕ: кому на Руси жить хорошо? Ведь сегодня этот вопрос не менее актуален, чем 155 лет назад, когда увидела свет одноимённая Некрасовская поэма. Ведь плохи сегодня наши дела. Совсем плохи. И не в коронавирусе с вакцинацией и QR-кодами тут дело, нет, и не в росте цен, за которым не поспевают доходы населения, и не в социальном неравенстве, основанном на эксплуатации до смерти: явной, как в случае с шахтёрами "Листвяжной", или скрытой, о которой свидетельствует только общее сокращение численности населения страны и средней продолжительности его жизни. Те, кому от этого хорошо, в России жить не хотят, из России "валят", Россию презирают и ненавидят. Вместе с её населением, историей и культурой.

И активно, миллиардами рублей, сотнями миллионов долларов финансируют уничтожение и отсутствие памяти, нежела-ние эту память хранить и продлевать. Она ведь — не только наше личное, но и наше

*Иль, судьб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, побобную стону,
И духовно навеки почил?..*
(“Размышления у парадного подъезда”, 1858)

А ведь в этом стихотворении, помимо его героев-крестьян, которые “и пошли они, солнцем палимы”, есть и адресат, хозяин “парадного подъезда” — высокопоставлен-ный имперский чиновник, у которого:

*Безмятежной аркадской идиллии
Закатаются преклонные дни.
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени...*

Да, чего уж, с какой целью праздновать сегодня 200-летний юбилей такого поэта? Что изменилось за 200 лет? Разве что Сици-лия ныне утратила свою популярность среди нынешних российских топ-менеджеров от бизнеса и власти и их домочадцев...

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ?..

200 лет Николаю Некрасову

общественное время, не только наше прош-лое, но и наше будущее. Хорошо хоть Пу-беду 1945 года ещё как-то отмечают: "Бес-смертный полк", парады и так далее, — хотя опасность, исходящая от коронавируса, на политических весах, мы помним, оказа-лась важнее праздника Победы, без кото-рого тезис: "Мы — молодая страна, нам всего двадцать (уже тридцать) лет" (Дми-трий Медведев), — звучал бы в качестве чуть ли не абсолютной, "отлитой в гра-ните" истины. Но нет, без денег мы дер-жаться ещё можем, а вот без памяти — никак. И непонятно, откуда же вы тогда: такие все бодрые, хорошие, комфортные и правильные, а главное — для чего? 100 лет Великой Октябрьской революции — "А в связи с чем это нужно праздновать, объясните мне" (Дмитрий Песков). 200 лет Достоевскому — "А кто это такой?" Может, его вообще стоит "разорвать на куски" (Анатолий Чубайс).

200 лет Некрасову — ? Пушкин, Лермонтов, Тютчев? О ком это? О чём? Для кого? Нынешнее почти поголовное и тща-тельно культивируемое чуть ли не с тща-нок безразличие к русской литературе (и к русской поэзии в особенности) как прояв-лению и воплощению "духа народного" — оно ведь не случайно возникло. Насчёт того, что "нам не нужен мир без России" (Владимир Путин), вопросов нет — ко-нечно, не нужен нам такой мир, пра-вильно. А вот нужна ли нам "Россия без русских"? Да без разницы уже, похоже. И не только коронавирусу без разницы. Хотя, опять же, русский язык теперь, по-сле принятия конституционных поправок, упомянут в Основном законе нашей страны как "язык государствообразующего народа", но, например, латынь тоже в те-чение долгих веков после того, как её соз-датель и носитель, *populus Romanus* (рим-ский народ), исчез с мировой арены как живая человеческая общность, остава-лась международным языком церкви, на-уки и искусства. Этой ли судьбы мы хотим для "великого, могучего и свободного" рус-ского языка? Или вообще готовы перейти от слова к числу, от букв к цифрам, уже полностью освобождённым от любой на-циональной и вообще человеческой при-вязки?

КАК МОЖНО БУДЕТ СКАЗАТЬ на языке цифр пушкинское "У Лукоморья дуб зелёный..." или некрасовское "Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь!..? Да, мы о Николае Алексеевиче Некрасове (28 ноября (10 декабря) 1821 — 27 декабря 1877 (8 января 1878)). Когда на его похоро-нах Фёдор Михайлович Достоевский сказал, что покойный "певец народного горя" в ряду отечественных поэтов должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лер-монтовым, из толпы послышались крики: "Выше! Выше! Он выше их!" Кричала, по свидетельству современников, в основном молодёжь, для которой некрасовская поэ-зия тогда была воздухом, без которого по-просту невозможно дышать и жить, для которой некрасовские стихи были ближе и понятнее пушкинских и лермонтовских. Как по форме, так и по содержанию, и по самому лапосу своему, по тому, что назы-вается "духом времени", услышать и пере-дать который способен только по-настоящему великий поэт. Некрасов был поэтом своей эпохи, его трёхсложного размера стихи были ближе к обиденной речи, чем пушкинские и лермонтовские ямбы. Это были стихи, пришедшие из на-рода и снова ушедшие в народ, — только уже преобразованные в сердце поэта, отли-тые и скованные там на века:

*Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевой!..*

*Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —*

*Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значи́т твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,*

Впрочем, и "широкие народные массы" своего времени нынешний юбиляр отно-де не идеализировал:

*Люди холопского званя —
Суище псы унода:
Чем тяжелей наказанья,
Тем им милей господя..."*
(“Кому на Руси жить хорошо”, 1866)

В общем-то эта поэма Некрасова — тоже "роман в стихах", как Евгений Оне-гин Пушкина, второй том энциклопедии русской жизни". А отрывки из неё, такие, например, как "Коробейники" ("Ой, полным полна коробушка..."), действительно стали народными песнями. Точно так же стали достоянием всего русского языка многие некрасовские строки и фразы, которых, приглядевшись, можно обнаружить в горящую избу войдёт...", "Откуда дровишки?...", "Суждены им благие порывы, но свершить ничего не дано...", "Поэтом мож-ешь ты не быть, но гражданином быть обязан...", "Иди и гибли безупречно. / Ум-рёшь не даром: дело прочно, / Когда под ним струится кровь...", "Бывали хуже вре-мена, но не было подлей...", "То сердце не научится любить, когда устало ненави-деть...", "В мире есть царь — этот царь беспощаден, голод названье ему...", "От ликующих, праздно болтающих, / Обая-ющих руки в крови / Уведи меня в стан по-гибающих / За великое дело любви!...", "Правилу следуй упорно: что слова́м было тесно, мысля́м — просторно...", "Сейте разумное, доброе, вечное...", — данный список можно продолжать и про-должать. Все эти слова тысячи, миллионы и даже миллиарды раз произнесены в разных ситуациях множеством людей на русском языке, вошли в нашу "цивилиза-ционную матрицу", в её "генетический код", и уже одно это подтверждает, что Не-красов — по-настоящему великий поэт.

НО НЕ ТОЛЬКО ПОЭТ. Николай Алексеевич на протяжении почти тридцати лет был, можно сказать, главным организатором литературного процесса в России, созидателем русской

литературы в том смысле, которого требо-вал "неистовый Виссарион" Белинский, когда на фоне творчества Пушкина заяв-лял, что "у нас нет литературы". Руководи-мые им журналы: "Современник" (пушкин-ский "Современник") в 1847–1866 годы и "Отечественные записки" в 1868–1877 годы, — можно считать той школой, пройдя которую вся русская литература получила "аттестат зрелости". Через них прошли все отечественные классики той поры: Лев Толстой и Фёдор Достоевский, Иван Тургенев и Александр Островский, Иван Гончаров и Михаил Салтыков-Ще-дрин, — не говоря уже о менее значимых фигурах, иногда — совсем чуть-чуть ме-нее значимых литературно, зато сыграв-ших важнейшую общественную роль, та-ких как Николай Чернышевский и Николай Добролюбов, Александр Герцен и Николай Огарёв... И ведь то была роль куда слож-нее, чем роль директора школы: речь шла и о деловых контактах, и об изнуритель-ном редакционном труде, и о непрерыв-

оглядки на прошлое и без допуска на бу-дущее, сравнивая уже не с живущими, а с ушедшими. Отсюда и крики из толпы на похоронах поэта. "Глас народа — глас бо-жий". Впрочем, здесь я не совсем прав, по-скольку будущее не только исходит из про-шлого, но и притягивает к себе настоящее, ведёт его за собой. Некрасов к этому буду-щему стремился, хотя и видел его, так сказать, через призму товарно-денежных отношений:

*Эх! эх! Придёт ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книза книге розь?
Когда мужик не Блохера
И не милорда элупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесёт?*

На какое-то время это предсказание-пожелание исполнилось: сами знаете, когда и как, через какие потрясения это случилось. Как исполнилось и другое не-красовское пожелание-предсказание:

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!*

*В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!*

*Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая! Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается,
Русь не шлохотается,
Русь — как убийца!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —*

*Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернушку
Горы наношены!*

*Рать подымается —
Неисчислямая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!*

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка-Русь!..*

Многое из предсказанного Некрасовым сбылось, но многое и ушло в инобытие. На-всегда или на время — зависит от нас сегод-няшних тоже. Ещё, дополнив от себя, в любом вопросе, как известно, содержится минимум половина ответа. И если рассматривать на-звание некрасовской поэмы (романа в стихах) как вопрос: "Кому на Руси?..." — то эта поло-вина звучит почти открыто: "Коммуна Русь..."

Возможна ли она у нас или, вернее, у наших потомков — с нами-то всё давно ясно — такая "коммуна Святой Руси"? Но это уже совсем иная история. История бу-дущего.

Георгий СУДОВЦЕВ

На фото: писатель И.С. Тургенев в редакции журнала "Современник" читает свою рукопись И.И. Панаеву и Н.А. Некрасову. Конец 1850-х гг.

МУЗЫ, МОЛЧАТЬ!

Очень странный фильм Игоря Угольникова

Я ПОСМОТРЕЛА очень странный фильм. То ли это стёб, то ли это плач. Это постмодерн, причём на грани. Какая-то глубин-ная и нарочитая пошлость (в широкой, чеховско-набоковской трактовке этого ёмкого слова) попыталась перейти в свою противо-положность — в утончённый пафос, но эстетический катарсис — по Выготскому! — не случился.

Застырала пошлость. Завязала в глине бездорожья. Устала наты-каться на препоны. Всюду натыканы смысло-символы. Банальные. Вроде тех, что "любое побеждает на войне", а если говорят музы, умолкают пушки. Точнее, когда говорит Пушкин, а он с музами на ты, особенно в Михайловском. Снимать о Нашем Всём нужно или супер-гениально, или никак.

Однако военная драма "Учёности плоды" (2021) интересна хотя бы тем, что сварили её Игорь Угольников, а главную роль дал аж Сергею Безрукову. Нет-нет. На этот раз он не в роли поэта, и уже это немало интригует. Изначальная заявка на успех — россыпь звёзд, но у меня почему-то есть предположение, что его не будет — успеха, и вовсе не потому, что нынешнее российское кино всё ещё (вот уже тридцать лет!) вызывает недоумённые вопросы. Смещение акцентов в теме войны — это провал.

По сюжету в оккупированное Михайловское прибывает немецкая дама-филолог, чтобы спасти Пушкина от "славянского хаоса", но по-степенно влюбляется в эту землю и, разумеется, в этих людей. Нет — в одного из них — в разухабистого мужичика и местного умельца Сер-гея Трофимова. Это и есть безруковская роль.

Перенасыщенность аллюзиями — немку зовут Мария Шиллер и она верит в домашнюю легенду, что её предок — великий поэт-философ-драматург, который "Буя-и-натиск", фамилия одного из офицеров вер-махта — ни много ни мало Дантес, и он тоже потомок сами понимаете чей; персонаж Безрукову, примеряя посмертную маску Пушкина, игриво сообщая, что всегда мечтал это сделать, и в зале раздаётся понимаю-щий смехок: речь-то уже не о геро, но о самом артисте.

Партизаны, добывая фрицев, устраивают перформансы — каж-дый раз из леса выходит сын полка и, выбрав самый живописный труп, ножом прикалывает к фашистскому сердцу листок со стихами Пушкина. Вертелась в голове одна фразочка из Довлатова, ставшая крылатой, не имея к тому никаких оснований: "Широко жил партизан Боснюк!" Тут партизаны именно "широко живут", а их команда-ра леви-ново изображает Фёдор Бондарчук. Широко жил партизан Бондар-чук-младший.

Всё это смахивает на передачу 1990-х "Маски-шоу" с её гротеск-ными шутками и преизбыточной буффонадой. Помнится, были там и немцы с моноклями, и партизаны в ушанках — примерно такие же, как в фильме Угольникова. Разве что в "Масках" — беспримесный и τυпо-ватый фарс, а в "Учёности плодах" — попытка трагедии. Для постмо-дернизма характерен трагифарс. Но уместен ли он в данном случае?

Такое ощущение, что авторы застряли в "лихих девяностых" и ни-как не могут сбросить маски со своего шоу. Игорь Угольников — кру-той шоумен, и его проект "Оба-на!" смотрелся лучше, нежели грубо сколоченные "Маски". Но тут автора куда-то понесло. Или, быть мо-жет, я не готова принять многообразие правд, заложенных в сцена-рий?.. Авторы фильма с пониманием отнеслись к коллаборациони-сту Антипову и его ласковой жене Людмиле. Он и она — сотрудники музея, тихие и толстые интеллигенты, для которых... как в той песне из 1990-х: "Важней всего — погода в доме". В музее то бишь.

Они постоянно трясутся и угодничают, якобы ради сохранения экспонатов. Но выглядит сие, как предательство. И эта ежедневная кашка для фрау-наци! Я воспитана в иной системе ценностей и по-стоянно ждала, когда же распрямившаяся Людмила сыпанёт яда в ту кашку. Но нет. Два постаревших голубка — о, как трогательна их су-пружеская любовь, пронесённая сквозь годы! — лишь плачут и хова-ются. И — служат, служат, служат!

НЕ МЕНЬШЕ ВОПРОСОВ к образам главгероев. Мария Шил-лер — не просто учёная интеллектуалка, она фашистка, член НСДАП, на ней узнаваемый партийный значок. Мадам — идеа-льная. Свято верит в торжество арийской души и прусского разума. "Он из Германии туманной привёз учёности плоды", — это сам Пушкин выдал, как известно. Увы, я не склонна к романтическому переос-мыслению нацизма и хороших девушек в этой форме.

В одной рецензии я прочтала буквально следующее: где, мол, авторы нашли пушкинистов в Третьем рейхе?! Потом шла заунывная муть о "колбасниках и лавочниках", жужжики книги на площадях. Вот здесь — ошибка. Гитлеровская Германия славилась филологами, а также музыкантами, искусствоведами, антикварами. Более того — основной бенефициар гитлеризма — не лавочник, пострадавший от введения централизованных госзаказов, а та самая образованщина, что начиталась Гёте, но поняла его превратно. Расовые теории — финал интеллектуального брожения, а не топорные выводы пресло-вutoго колбасника.

В Третьем рейхе очень любили классическую музыку и не только Вагнера — их кумирами были Моцарт, Бетховен, Гайдн, Гендель. И вальсы Шуберта. И хруст костей в вестало. И доктор Менгеле слыл чуть ли не поэтом, а Гейдрих лиликал на скрипке с виртуозностью профессио-нала. Нацисты не отрицали Пушкина — они его даже экранизировали! Есть очаровательная "кляука" под названием "Postmeister" — по мотивам "Станционного смотрителя". Знали они и Достоевского, и Толстого, и Чехова, а родственница русского драматурга — Olga Konstantinowna Tscheschowa — снималась в дорогостоящих костюмных фильмах.

Это как-то остановило Drang nach Osten, Блокаду, Хатынь? Какой-то всеобщий баг — считать образованных людей чеповечными априори. Поэтому наци-пушкинистов найти было можно, а вот где от-копали неграмотного мужика в 1940-х годах — это загадка. Герой Сер-гея Безрукова многократно подчёркивает, что не умеет читать и пи-сать. При этом он — и швец, и жнец, и на электро-изоляторах игрец. Он подвизается в Михайловском в качестве... электрика! Я опушу рассуждения о том, что электротехника — это наука; мне интересно другое: зачем авторам понадобилась эта деталь — безграмотность?

Вообще русские показаны, как весьма неказистые людишки. Одно только противопоставление рыхловатой секс-бомбы Анисы — сожи-тельницы Трофимова — с худой, опрятной фрау Шиллер чего стоит! Анисья сжирала похотью, и у неё толстые ноги. Немка — строга, но сентиментальна. Влюбляется, но рыдает в подушку. И у неё тонкие ноги, что подчеркивается столь же часто, как и неграмотность мужи-ков. Аборигены расхристаны и гутарят на каком-то убогом диалекте. Мелькают несвежие ватники и серые лица. Наверное, хоте-лось явить "внутреннюю, зато подлинную красоту", каковую не видно под унылыми сермяжками. А вышло как-то иначе.

Фашисты (реальные, а не из кино-вселенных постмодерна) отме-чали, что рассчитывали увидеть в России вонючее быдло, а столкну-лись с грамотным и чистоплотным населением, понимавшим немецкий язык. В войне победил не "ёкарный бабай" в телогрейке, а выпускник советской школы, затятный в имперский мундир с погонами.

Расстрел цыганского табора — одна из самых жёстких и каче-ственно сделанных сцен этой кинокартины. Однако нам дают понять, что это совершали всё те же русские. Это есть полиция. Тогда как тевтоны воюют, теоретизируют и пьют романы на стихи Пушкина.

И вот — главное. Если бы это сняли в Америке с её вуди-алленов-ской Mother Russia или во Франции, где коллаборационизм давно стал предметом искусства, оно было бы нормально. Их нравы, так сказать. Однако наблюдать мелодраму из разряда *pazi-exploitation* на фоне Пушкина — это выше моих скромных возможностей. К кому же, всем памятно, что сотворили немцы с Михайловским... А тут — сплошной ай-да Пушкин! "Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви" — один сплошной бес.

Галина ИВАНКИНА

Щербаков Владимир, Кротов Николай. Гибель Советской империи глазами последнего председателя Госплана СССР. — М. : Наше Завтра, 2021 — 656 с.

О том, что случилось 30 лет назад, однажды уже было исчерпывающе ска-зано: "Крупнейшая катастрофа XX века". То есть не Первая и Вторая мировые войны с десятками миллионов жертв и гигантскими разрушениями на территории воюющих держав, но какие-либо иные потрясения, а относительно бескровный и тихий развал почти 300-миллионной страны, производившей в 1990 году всего-то 3,4% мирового валового продукта.

С точки зрения чистых цифр — невелика потеря. С точки зрения перспектив для человечества, а также для русского народа, ставшего крупнейшим разделён-ным народом современного мира — действительно невосполнимая утрата. И о том, почему такая катастрофа не только произошла, но вообще стала возможной, споры будут длиться ещё долго. В настоящее время всё более обоснованными выглядят утверждения о том, что гибель Советского Союза являлась процессом "управляемого сноса", сходным с управляемым сносом башен-близнецов Всемир-ного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Только первое на своём заключительном этапе было замаскировано "путчем ГКЧП", а второе — "атакой самолётов, захваченных исламскими террористами".

Книга Владимира Ивановича Щербакова, руководившего Министерством экономики и прогнозирования СССР, преемником Госплана СССР, в мае-но-ябре 1991 года, затрагивает хронологически более широкий пласт событий, уходящий корнями в период конца 1960-х — начала 1970-х годов. В основ-ном социально-экономических, но не только. "Я не ставил задачи показать, кто прав, кто не прав. Я пытался показать какие-то альтернативы, которые были в это время. Я хотел бы, чтобы книгу рассматривали, как рассказ оче-видцев без попытки навязать какую-либо точку зрения", — отмечает автор, и эти его слова, возможно, говорят о причинах краха "советского проекта" не меньше или даже больше, чем огромный массив фактических данных, со-бранный и приведённый на страницах данного издания. "Политика есть са-мое концентрированное выражение экономики" (В.И. Ленин). А если полити-ческая цель определяется фразой "экономика должна быть экономной" (Л.И. Брежнев), то результат заранее предсказуем.

Клёсов Анатолий. Народы и личности. Что показал ДНК-анализ? — М. : Наше Завтра, 2022 — 280 с.

Большой и неоспоримой заслугой известного биохимика Анатолия Алексеевича Клёсова являются его попытки сопоставить и связать "путешествия" в пространстве и времени различных групп человеческих Y-хромосом (мужских) с известными или предполагаемыми историческими событиями, археологическими артефактами, различными культурами, языками и народами (арии, минойцы, скифы, этруски, праславяне, индейцы Северной Америки и т.д.). А теперь и с конкретными историческими личностями (Сталин, Наполеон, Эйнштейн и др.).

Разумеется, такой подход вызывает критику по самым разным поводам и с самых разных сторон: от академических указаний на то, что культура человека не полностью определяется его генетикой (хотя связь популяционной генетики с культурой весьма жёсткая, особенно в предыдущие века), до воинствующего гендерного феминизма (хотя кто виноват, что предшествующая история человечества была по преимуществу "мужской" историей, а митохондриальная ДНК меньше ядерной, хуже защищена, а потому и хуже сохраняется?). Да Клёсов и не уходит от потенциально острых и спорных тем (вспомним фразу из булгаковского романа "Мастер и Маргарита": "Вопросы крови — самые сложные вопросы в мире" и гигантский банк данных, собранный под эгидой мормонской церкви). Так, на основе полученных результатов исследований этруских захоронений он признаёт неверной популярную гипотезу о родстве этрусков и русских, а на основе установленной у прямого потомка И.В. Сталина по мужской линии, А.В. Бурдонского, гаплогруппы G2 делает вывод об осетинском происхождении "отца народов".

Тем не менее в спорах и дискуссиях по-прежнему продолжает рождаться истина. Хотя бы о том, что общий геномный анализ в археологии более затратен и менее адекватен, чем анализ ДНК на Y-хромосомы. И, наверное, стоит согласиться с мнением автора, что исследования в данной области должны не только расширяться и углубляться, но также стать одним из предметов — хотя бы факультативных — изучения в программе высшей школы для гуманитарных дисциплин. Потому что ответ на важнейший вопрос: "Куда мы идём?" невозможен без ответа на связанные с ним вопросы: "Кто мы?" и "Откуда?"

